

На правах рукописи

**СУХАРЕВА
ОЛЬГА ЭДУАРДОВНА**

**ЗАПАДНАЯ РИТОРИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ
И ПРОБЛЕМА УБЕДИТЕЛЬНОСТИ МОНОЛОГА
(НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИЧНОЙ РЕЧИ)**

10.02.19 – теория языка

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Ижевск – 2010

Работа выполнена в ГОУВПО «Калужский государственный педагогический университет им. К.Э. Циолковского»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Лев Геннадьевич ВАСИЛЬЕВ

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Людмила Павловна РЫЖОВА

кандидат филологических наук, доцент
Вера Витальевна КИСЕЛЕВА

Ведущая организация: ГОУВПО ***Воронежский государственный университет***

Защита состоится « » марта 2010 г. в ___ час ___ мин. на заседании диссертационного совета ДМ 212.275.06 при ГОУВПО «Удмуртский государственный университет» по адресу: 426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 1, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ГОУВПО «Удмуртский государственный университет».

Автореферат разослан « » _____ 2010 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета ДМ 212.275.06

И.А. Красноперова

Исследование риторического дискурса в мировой и отечественной науке имеет богатую традицию (ср.: [Аннушкин 1998; Арно, Николь 1991; Баранов 1990; Безменова 1991; Брутян 1984; Васильев 1994, 2008; Варзонин 1999; Волков 2001; Голубев 1996; Демьянков 1989; Дюбуа и др. 1986; Еемерен, Гроотендорст 1994; Еемерен, Гроотендорст, Хенкеманс 2002; Ивин 2002; Клюев 2001; Рождественский 1999; Стернин 1993; Фанян 2000; Чувакин и др. 2007; Ducrot 1984; Ehninger, Brockriede 1978; Johnson, Blair 1994; Perelman, Olbrechts-Tyteca 1969; Toulmin 1958; Walton 1996] и др.).

Тем не менее, проблемы *разноаспектности* речевого воздействия на массовую аудиторию, принадлежащую к англо-саксонской культуре, в отечественном языкознании разработаны пока еще недостаточно.

Актуальность исследования обусловлена потребностью установить параметры риторико-аргументативного описания убедительности публичной речи в ориентации на изучение соотношения в ней рационального и эмоционального и на основе системного описания риторической традиции и ценностей аудитории, которые уходят корнями в соответствующую научную традицию и культуру.

Объектом данного исследования является риторический монологический дискурс (публичное выступление) американских политиков.

Предмет диссертации – риторико-аргументативные характеристики убедительности публичного выступления.

Цель работы – выявить средства формирования рационального (конвинсивного) и эмоционально-психологического (персуазивного) аспектов убедительности монолога.

В соответствии с целью определены следующие задачи исследования:

- описать особенности методологии западной риторической мысли от классики до современности;
- установить параметры убеждения как принципиального компонента риторики в конвинсивном и персуазивном аспектах;
- охарактеризовать принципиальные исследовательские методы, позволяющие описать конвинсивный и персуазивный аспекты убедительности;
- продемонстрировать применение этих методов на анализе конкретной публичной речи и выявить средства создания убедительности в ней.

Задачи, поставленные в диссертации, определили применение методов и методик, к которым относятся методы моделирования, контекстуально-композиционный, методы неориторического анализа, функционально-аргументационного анализа, стилистико-риторического анализа, метод семантической интерпретации, методики тактико-стратегического и компонентного анализа.

Теоретической базой исследования послужили труды отечественных и западных исследователей риторики (Н.А. Безменова, Ю.Н. Варзонин, А.А. Волков, Е.В. Клюев, И.А. Стернин, А.А. Чувакин, Дж. Голден, Дж. Кеннеди, Х. Перельман и др.) и аргументологии (Л.Г. Васильев, Ф.Х. ван Еемерен, С.

Тулмин и др.). В качестве инструмента исследовательского анализа использованы модели Х. Перельмана, С. Тулмина и Е.В. Клюева.

Материалом исследования послужили труды западных исследователей методологии риторики и публичные речи американских политических деятелей XX в. (общий объем выборки – более 8000 стр.).

В ходе исследования сформулированы и выносятся на защиту следующие положения:

- объяснительный подход к изучению принципов построения эффективной публичной речи американских политиков возможен лишь при учете риторической традиции как научного и мировоззренческого базиса для создания дискурса, нацеленного на воздействие оратора на массового реципиента, т.е. не только синхронного среза риторической науки в США с ее прагматической ориентацией, но и истоков – развития и достижений риторики как отражения социального и общенаучного климата в Западной Европе;

- исторически в западной теории риторики неоднократно (и зачастую кардинально) менялись взгляды: на значимость риторики вообще; на возможность включения в нее устной и письменной речи; на удельный вес частей риторики; на соотношение и значимость логосного, этосного и пафосного компонентов;

- в американской коммуникативистике удельный вес освещения методов риторического анализа убедительности представлен по-разному – в наименьшей степени в семиотическом направлении, в развернутом виде – в аксиологическом и мотивационном, а наиболее выпукло – в эпистемологическом;

- две стороны убедительности – конвинсивная и персуазивная – присутствуют в любом дискурсе, но не обязательно находятся в равновесии; для каждого отдельного типа речи и речевой ситуации можно установить конкретное соотношение этих сторон;

- для анализа каждой стороны убедительности речи можно использовать свои наиболее пригодные исследовательские методы; для конвинсивного анализа детальные результаты дает модель С. Тулмина, для персуазивного – традиционный риторико-стилистический метод (в варианте, описанном в [Клюев 2001]), для персуазивно-конвинсивного – неориторика Х. Перельмана.

Научная новизна исследования заключается в том, что в ней впервые на диссертационном уровне: представлена комплексная картина становления, развития и современного состояния научной риторической парадигмы в ее западноевропейском и североамериканском вариантах; описаны подходы к установлению убедительности риторического дискурса в рациональном и психологическом аспектах; проанализировано соотношение эффективности применения конвинсивных и персуазивных методов при анализе убедительности публичной речи.

Теоретическая значимость диссертации заключается: в расширении и уточнении понятийного аппарата теории анализа монологической публичной речи; в демонстрации возможностей применения общенаучного принципа дополнительности к анализу дискурса; в характеристике соотношения и особенностей двух принципиальных аспектов убеждения; в расширении историографических сведений о риторике.

Практическая значимость работы состоит в том, что ее результаты могут быть использованы в вузовских курсах по общему языкознанию, теории дискурса, риторике и аргументации, а также в руководствах по принципам речевого воздействия.

Апробация работы. Основные положения и результаты диссертационного исследования были представлены в докладах на Международной научно-методической конференции «Актуальные проблемы сопоставительной типологии» (Тюмень, 2009 г.), Всероссийской научной конференции «Когнитивные науки: междисциплинарные исследования мышления и интеллекта» (Томск, 2009 г.), Всероссийской научной конференции «Современная политическая коммуникация» (Екатеринбург, 2009 г.), на открытых научно-практических конференциях преподавателей и аспирантов КГПУ им. К.Э. Циолковского (Калуга, 2008, 2009 гг.), на Второй региональной научно-практической конференции Калужской областной ассоциации преподавателей иностранных языков «Проблемы повышения эффективности обучения коммуникации и иностранному языку в вузе: теория и практика» (Калуга, 2009 г.).

По теме диссертации опубликовано 10 работ общим объемом 4,8 п. л.

Структура исследования. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка литературы (192 наименования на русском, английском, французском и немецком языках) и приложения.

СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Глава первая **«Риторика как научная парадигма в европейской культуре: от античности до Нового времени»** посвящена становлению и развитию риторики как научной парадигмы соответствующего периода.

Ранняя донаучная риторика в Др. Греции имела нарративную мифологическую природу. Традиционный хронотопный нарративный дискурс не был призван подвергаться сомнению и анализу мифологемы, лежащие в его основе. Способ рассуждения в нарративах основывался на следовании хорошим примерам и неприятии плохих.

С развитием демократии в городах-государствах создание речей становится учением об устном дискурсе для аргументирования достоинств законов, обвинения и защиты в суде. Дискурс определялся с позиций (а) метода (риторика отделялась от грамматики, логики и поэтики) и (б) содержания (отношения риторики к политике и этике). Выделялись речевые жанры – законодательный, судебный и церемониальный. Изучались «официи»

коммуникации – *инвенция, диспозиция, стиль (элокуция), запоминание и произнесение.*

В классической античности выделяются три основных подхода – морально-философский (Платон), научно-философский (Аристотель) и педагогическо-философский (Исократ, Цицерон, Квинтилиан).

Платон противопоставил софистике диалектический метод – диалоги с вымышленными собеседниками, где поиск истины осуществляется с помощью вопросно-ответных процедур. В риторической теории Платон выходит за пределы собственно ораторской формы публичной речи. Конкретные коммуникативные стратегии оперируют последовательно на четырех ступенях – дефиниционной, демонстрационной, вопросно-опровергающей и модификационной. Результирующая цель – общее мнение и лучшее понимание обсуждавшегося вопроса. Подход Платона в целом отвечает определению риторики как методу познания.

У Аристотеля основная функция риторики предстает разноаспектно. Персуазивность репрезентируется умением оратора защищать себя, конвинсивность – отстаиванием истины и справедливости, дидактичность – ориентацией на непрофессиональную аудиторию. В диспозиции Аристотель выделяет *введение, утверждение, аргументацию и эпилог/заключение*, акцентируя внимание на утверждении и аргументации, так как в них используются логические принципы. Другой аспект диспозиции – анализ аудитории и адаптация речи к ней. Собственно произнесение речи подчинено стилю и отдельно не изучается.

Римская риторика строилась в ориентации на принципы, сформулированные в Др. Греции, в частности, в педагогическом учении Исократа, важном для раннего образования, в котором риторике отводилась существенная роль. Роль риторики в имперском Др. Риме иная, чем в Др. Греции – в нем исчезает гражданская аудитория устной речи, расцветает письменная юридическая и административная речь; теория же риторики становится учением о собственно красноречии.

Цицерон разработал вопрос о соотношении общепрофессионального и ораторского знания. Предмет риторики трактуется широко, как структура любой речи на любую тему; предмет публичной ораторики – структура гражданских споров. Квинтилиан – первый имперский ритор, соединивший теорию с практическими рекомендациями. В теоретическом плане метод Квинтилиана предусматривал рассмотрение фигур мысли как целеустановок. Для развития главной фигуры (опыта и интуиции оратора) разработана методика обучения, включающая изучение теории риторики, классических моделей ораторики, образцов для подражания и собственную ораторскую практику. Алгоритм действий соответствует традиционным пяти officium создания речи и отличается от типовой структуры речи: *вступления – названия и его толкования – описания – доказательства – опровержения – обращения к чувствам – заключения* [Рождественский 1997].

Акцент на письменной речи – новый компонент, по сравнению с учением греков – положен в основу импровизационной (*ex tempore*) речи. Письменная речь давала возможность создавать и фиксировать речевые модели. Важнейшей частью риторики у римлян считается стиль (элокуция). В речидоказательстве оратор должен прибегать к «простому» (нейтральному) стилю, в речи-развлечении – к «среднему», в речи-убеждении – к «возвышенному».

Для Второй софистики (50 – 400 гг. н.э.) характерно: (а) исчезновение совещательной ораторики; (б) закат судебной ораторики из-за усложнения законодательства и потребности в специалистах по праву, а не просто в риториках; (в) исчезновение обсуждения актуальных проблем в церемониальной ораторике. Софисты превратили ораторику в соревнования по импровизации, памяти и стилю.

Основная проблема в христианской риторике (350 – 450 гг.) – применимость классической риторики к распространению христианства как официальной религии. У св. Августина материал для проповедей берется из Писания, а риторика реализуется в устной форме. Зависимость от устной речи требовала разработки риторической теории. Св. Августин обосновал четвертый тип речи (в дополнение к церемониальной, судебной и совещательной) – гомилетическую. Собственно риторическое учение св. Августина является интерпретацией учения Цицерона.

Для средневекового (400 – 1400 гг.) периода развития риторики характерно: (а) отвержение риторики как языческого искусства; (б) рассмотрение риторики не как практического, а как научного занятия; (в) отсутствие демократического общества для процветания светской риторики. Риторика трактуется и применяется как: компонент тривия; дисциплина, подчиненная диалектике; эпистолярный жанр; компонент проповеди (см.: [Corley 1978]).

Риторика периода Ренессанса (1400 – 1600 гг.) – это искусство создания благорасположения, намеренной лести, прошений. Акцент делается на украшении речи (элокуции), адресатом становится не публика, а индивид, и риторика превращается в раздел этикета.

П. Раме инициировал разрушение классической пяти-компонентной риторической традиции и попытку подчинить риторику логике: риторика сводится к стилю и произнесению, а инвенция и диспозиция – к диалектике. В диалектику включается то, что классики относили к инвенции (т.е. локусы) и к диспозиции. Память считается отражением инвенции и суждения, а риторика – искусством красноречия.

Этого взгляда на риторику придерживались в Италии в период Ренессанса; риторика стала чисто формальной дисциплиной, а все ее оригинальные идеи включались в эстетику. В Германии риторика в основном считалась теорией литературной прозы. Дольше всего классическая риторика просуществовала в Великобритании благодаря влиянию психологии в эм-

пиризм и философии здравого смысла. Здесь теория инвенции сведена к минимуму, и внимание сфокусировано на персуазивном аспекте дискурса (см.: [Perelman 1983]).

С изобретением печатания письменная речь превращалась в основной канал общения, а риторика удаляется от массовой аудитории.

В неоклассицизме (1700 – 1740) представители «эпохи Августина» отстаивали идеи классической риторики. Они установили стандарт эффективной письменной речи: оригинальность (образы, неоднозначность и т.п.) не нужна, за исключением выбора средств выражения; критерии успешности стиля – правильность и ясность изложения.

В беллетристике из Аристотеля заимствованы: модель коммуникации (отправитель, получатель, сообщение); различение этического, логического и патетического доказательств; приверженность простоте стиля. Из Цицерона и Квинтилиана взяты: определение риторики как единой пятичастной гипер-науки; разделение целей дискурса на инструктирование, развлечение и призыв к действию, а стиля – на простой, средний и высокий; роль имитации и моделей в формировании ратора. Из современников заимствованы принципы психологии способностей, рассуждения в критике, примеры красноречия на родном языке. В риторику включены письменная речь и критика. Х. Блэр соединил церемониальную и совещательную ораторику в *красноречие публичной ассамблеи*, добавив в нее гомилетiku.

Важнейшее понятие риторической теории этого периода – *вкус* как эмоциональный феномен, принципы которого можно рационализировать, а сам вкус развить и улучшить.

Европейская риторика XVII – XVIII вв. основана на рационалистской эпистемологической традиции, отстаивавшей индуктивный естественнонаучный подход, противостоящий классической дедукции.

Ф. Бэкон предложил тотальную реформу человеческого знания. Основой знания считаются: История в отношении к Памяти; Поэзия – к Воображению; Философия – к Разуму. Задача риторики – применить Разум к Воображению. В отличие от классического подхода, в трактовке инвенции Ф. Бэкон отказывается от роли поиска в формулировании аргументов и сбора данных и обращается к элементу *воспоминание*. Выделяется четыре общих топоса как помощь инвенции: (1) *Цвета Добра и Зла* (касается посылок, которые лишь кажутся истинными); (2) *Некатегоричность* (тезисы, аргументируемые с позиций «за» и «против»); (3) *Формулы* (речевые модели, готовые к употреблению); (4) *Афоризмы*. Ф. Бэкон отвергает классические риторические силлогизмы и красноречие, отстаивая простой стиль для науки.

Р. Декарт задал направление, противостоящее общей тенденции развития риторики. Риторика считается природным даром, а не результатом исследовательской работы. Отдается предпочтение математической истинности в противовес вероятности риторических силлогизмов. Идеи Р. Декарта

стали руководством для логиков и риториков Пор-Рояля, оказавших серьезное влияние на британцев того времени и считавших единственно приемлемой моделью коммуникации логическую, основанную на ясных понятиях и отношениях «причина – следствие» и потому отвергающую эмоциональный компонент.

Идеи Дж. Вико основаны на подходе Цицерона. Риторика понимается как форма практического знания, основанного на принципе вероятности. Людей можно мотивировать к действию только если будут разбужены их страсти посредством дискурса на основе топосов.

Д. Юм синтезировал классические взгляды Цицерона и Дж. Локка: мотивации людей проистекают из эмоциональной природы человека, поэтому воззвание к чувствам удовольствия и боли необходимы для стимулирования воли действовать. Утверждая, что экспериментальный метод намного превосходит дедуктивный, Д. Юм отрицает силлогизмы как инструмент изучения человеческой природы. В отличие от Аристотеля, Д. Юм отдает предпочтение фактам, а не рассуждению.

Теологическое эпистемологическое направление.

Риторическая теория Дж. Кэмпбелла эпистемологична и ориентирована на аудиторию. Он объединил традиционные инвенцию и диспозицию в *менеджмент* дискурса. Инвенции придается функция *организации*, а не исследования – взгляд, противостоящий общепринятому в риторике. Риторика считается отраслью логики. Убеждение рассматривается как 4-ступенчатый процесс: понимание – воображение – чувства – мотивация воли (соединение интеллектуального убеждения, основанного на понимании, и эмоционального, оперирующего на воле и решительности). Так образуется дуализм конвинсивно-персуазивного типа.

Из форм риторического доказательства наиболее разработано логосное. Выделены (а) интуитивные (аксиомы, осознание и здравый смысл) и (б) дедуктивные доводы (доказательство (выходит за пределы риторики) и этическое рассуждение (конвинсивно-персуазивное – опыт, аналогия, свидетельство и исчисление шансов)). Схоластическая трактовка силлогизма отвергается, внимание акцентируется на анализе аудитории; выделяются пафосно-генерирующие обстоятельства – *вероятность, правдоподобие, важность, временная близость, привязка к месту, связь с аудиторией, интерес к последствиям*.

Р. Уэйтли довел до логического завершения идеи психолого-философского направления в Британской риторике, ограничив область риторики изучением аргументации. Он выделял два класса аргументов – априорные (рассуждение от причины к результату) и признаковые (от результата к условию). Разработано понятие *бремени доказывания*. Система аргументации Р. Уэйтли пронизана религиозными идеями, так что ее можно назвать церковной аргументативной риторикой.

Научная разработанность европейской риторики этого периода – более высокого уровня, чем классической; но она исследовала в основном связь *говорящий* → *слушающий* в ущерб разработке интеракционного принципа.

В Главе второй «*Основные тенденции развития современной западной риторики*» анализируются направления риторики.

Семиотическое направление представлено теориями А. Ричардса (языковая коммуникация) и М. МакЛюэна (более широкий спектр каналов).

Концепция А. Ричардса основана на учении Ф. Бэкона о восприятии, в частности, на идее об идолах рынка, по которой язык – это потенциальный барьер для человеческого понимания и взаимоотношений. Содержания, которые мы приписываем стимулам в конкретных ситуациях, укоренены в нашем прошлом и взаимообусловлены. При появлении какой-либо части контекста он может вспомниться полностью, и организм действует, словно присутствует весь контекст. Понимание контекстов – это основа человеческого мышления

Знак – это символ, достаточный для вызова активации, сходной с той, которая вызывается оригинальным стимулом. Символьное использование слов – это утверждение, фиксация, обоснование, организация и передача референций. Эмотивное использование – это употребление слов для выражения или возбуждения чувств и отношений. У А. Ричардса значение индивидуально – оно в людях (в стабильности контекстов и их взаимовлиянии), а не в словах. Принципиальным средством риторического взаимодействия признается метафора.

Риторическая значимость концепции М. МакЛюэна – в идее о том, что значение сообщаемого определяется не столько его собственно содержанием или коммуникантами, сколько источником сообщения и средствами знаковой доставки («среды»).

Согласно М. МакЛюэну, воспринимаемое нами значение определяется напряженными (hot) и свободными (cool) средствами доставки (media). В напряженных средах создается состояние, насыщенное данными, и аудитории остается дополнять очень небольшое; поэтому они предусматривают низкую, а свободные – высокую степень участия/ восполнения со стороны аудитории. Так, телефон, радио, телевидение и речь считаются свободными средами. Поэтому ритор должен либо выбирать среду, максимально соответствующую его характеру и стилю общения, либо модифицировать последний так, чтобы он соответствовал коммуникативной среде.

Аксиологическое направление предполагает, что риторика дает ответ на вопрос: *Что следует делать?* Западные перманентные ценности – *здоровье, креативность, мудрость, любовь, свобода и справедливость, храбрость, порядок* – восходят к античным ценностям *Истина, Доброта и Красота*. В центре их лежит вера в достоинство и самоценность индивида. Риторическая ситуация (РС) основана на обязательности ценностей. Гуманистич-

ность риторики в том, что она нацелена на ту часть бытия человека, которая не является лишь рациональной.

Для правильного выбора в РС риторике необходима система ценностей, согласующаяся с его взглядами в данный момент. Этика индивида воздействует на восприятие и построение им сообщений.

Основой риторики, по К. Уолласу, является выбор ратора, который лежит в сфере этики. Этот выбор должен быть высокоморальным: благополучие аудитории должно быть выше личных интересов ратора.

По У. Буту, развитие правильной риторической позиции должно проходить ряд шагов: (а) распознавание природы аудитории; (б) адаптация себя к слушателям и слушателей к себе; (в) приспособление сообщения к ситуации общения и к аудитории; (г) «поднятие» слушателя к тому, кем он стремится быть.

В разделе обсуждаются аксиологические характеристики американской ораторики. Основа американского менталитета и ценностей – англосаксонские корни, связанные с протестантизмом и пуританством. Основные ценности американцев – индивидуализм, конформизм, агентивность, прагматизм и рациональность, этика успеха, императивность счастья, толерантность. Для риторики выделяются следующие ценности: (а) информированность ратора в предмете речи; (б) честность в выборе и презентации фактов и мнения; (в) не-утаивание источников своих фактов и мнения; (г) терпимость к иным мнениям и уважение различий в позициях и аргументировании (см.: [Wallace 1965]).

Социо-риторическое направление восходит к К. Берку, который, в отличие от движения за красноречие и от Аристотеля, отделявшего риторику от поэтики, расширяет область охвата риторики, включая в нее невербальные элементы, заявляя о риторике медицины, административной риторике и иных дисциплинах. Наиболее существенны в системе К. Берка понятия *мотивов*, которые могут рассматриваться на основе *пентады* (содержащей элементы *акт, сцену, агента, действие, цель*) как инструмента оценки риторического события.

По А. Смит, символичные стратегии ратора в протестном движении включают (а) *поношение* (ниспровержение имиджа лидера власти, завершающееся персонификацией носителя зла), *объективфикацию* (направление недовольства конкретной группы людей на другую группу (партию, нацию, расу), *мифологизацию* (формирование духовной составляющей протестного движения), *легализацию* (языковой фактор – ответы на аргументы оппонента).

Эпистемологическое направление. В качестве способа познания риторика стремится стать средством порождения понимания. Истина относительна и может быть результатом взаимодействия людей в рамках конкретного хронотопа и риторического процесса совместного поиска. Интеллектуальное согласие между коммуникантами достигается только после их

вступления в риторическую трансакцию, предусматривающую убедительные рассуждения и доводы. Помещение в сферу риторики аргументативного компонента придает ей гносеологические черты.

Аргументологический аспект риторики связан, прежде всего, с подходами Х. Перельмана [Perelman, Olbrechts-Tyteca 1969] и С. Тулмина [Toulmin 1958].

Для Х. Перельмана «Новая риторика» – это своего рода дополнение к теории демонстрации (логического вывода), обеспечивающее тем самым комплексность рефлексивного подхода. В ней аргументация – неформальное рассуждение, нацеленное на получение или закрепление союза с аудиторией. Различаются универсальная и частная аудитории. Мышление (рассуждение) направляется особыми аргументационными моделями. Важную роль в аргументации играют принимаемые иерархии ценностей (напр.: *человек важнее животного* и т.п.). В плане убеждения метод Х. Перельмана поэтому ориентирован в большей мере на этосный, чем на логосный и пафосный аспекты.

Аргументационные модели можно успешно применять на практике, если они подстроены под посылки, приемлемые для аудитории. Аргументативные модели представлены в виде двух основных супер-паттернов: ассоциации и диссоциации. Аргументы, построенные на ассоциации, подразделяются на (А) квази-логические аргументы ((А-1) логическую зависимость (идентичность/неидентичность; транзитивность; противоречие; принцип взаимности) и (А-2) математическую зависимость (включение части в целое; разделение целого на части; сравнение; жертвование; вероятность)), и на (Б) аргументы, основанные на (Б-1) структуре реальности (отношения последствий (каузальность, ущерб/расточительность, прагматичность, направление, безграничность), (Б-2) сосуществовании (человек – поступок, группа – участники, действие – суть, референт – символ, двойная иерархия, количество – качество) и (Б-3) установлении структур реальности (пример, иллюстрация, аналогия). Диссоциативные аргументы имеют супер-паттерн «разрушение связей», находящихся в системе ценностей или мнений аудитории; проявляются они в противопоставлениях *объективное – субъективное, теория – практика, абсолютное – относительное*.

Для С. Тулмина эпистемологическая среда *абстрактное – конкретное* предстает в виде, соответственно, полнезависимости и полезависимости. Полезависимость в риторическом плане воздействует на качество аргумента – реально используемую аргументацию как способ познания невозможно сводить к формальным правилам. Однако существуют рациональные законы, общие для разных областей, для которых применима аргументационная модель С. Тулмина (МТ).

МТ – рационально-познавательная модель, так как в ней описывается процессуальность аргументации. Аргумент в МТ представлен как движение, при помощи которого принимаемые сторонами Данные проходят через сер-

тифицирующее *Основание* к дискуссионному или обосновываемому *Тезису*; это три основные составляющие («аргументативные функции») аргумента. Другие три составляющие факультативны. *Квалификатор* – это вербальный маркер степени правдоподобия Тезиса (ср.: *возможно, несомненно, типичный, иногда* и т.п. и их эквиваленты в других языках). *Оговорка* – это языковые маркеры условий, в которых Тезис недействителен или задание условий, в которых он действует (например, *до тех пор, пока; если не; в данных условиях*). *Подтверждение* – это информация сродни Данным, выражающая фактуальное подкрепление Основания. Три основных функции описываются по семантике последователями С. Тулмина с выделением: действительных, личных и обстоятельственных Данных; субстанциональных, авторитетных и мотивационных Оснований; десигнативных, дефиниционных, оценочных и адвокативных Тезисов.

Собственно риторичность метода С. Тулмина проявляется и в применении МТ к анализу дебатов как критического и кооперативного инструмента исследования: путем критического взаимодействия (а не просто автономного использования) аргументов в диалоге, порождается и проверяется знание.

В Главе третьей «*Убеждение как составляющая риторического дискурса*» рассматриваются вопросы соотношения конвинсивного и персуазивного аспектов убедительности речи, что, в свою очередь, связано с аргументацией.

Описываются методологические подходы к риторике дискурса – панриторический (риторическим характером обладает любая речь) и умеренный (риторический дискурс (РД) существует лишь в условиях РС).

Контекст – это общее условие для РС. До и для создания и реализации РД необходимы три составляющие РС: (1) проблема, (2) аудитория (решения и действия которой можно настроить) и (3) ограничения, влияющие на ратора и которые можно наложить на аудиторию [Bitzer 1968]. Имеются типовые РС, предусматривающие соответствующий РД и его характерный лексикон, грамматику и стиль, а также подходящую дискурсную реакцию.

Рассматриваются подходы к убеждению в западной коммуникативистике: (а) социально-психологический поведенческий (исследует взаимодействие независимых (источник, сообщение, среда, аудитория, контекст) и зависимых (субъектных) переменных); (б) жанрово-родовой (нацелен на формулировку правил для персуазивного дискурса; основан на допущении, что ситуации убеждения похожи друг на друга и характеристики правил и ролей в них поддаются систематизации).

Убеждение в диссертации рассматривается в двух аспектах – конвинсивном и персуазивном. Конвинсивный аспект исследуется преимущественно с аргументологических позиций, персуазивный – с точки зрения человеческого фактора и средств его стимуляции. Логосная составляющая общения тяготеет к конвинсивному аспекту, а этосная и пафосная – к персуазивному. Этос трактуется в работе как имидж оратора, интерпретация,

являющаяся продуктом взаимодействия оратора и аудитории. Пафос понимается как погружение аудитории в нужное настроение (чувства страха, сострадания, гордости, вины и т.п.).

Любой убеждающий дискурс представляет собой комбинацию конвинсивного и персуазивного компонентов, в разных условиях разную, в зависимости от РС, от типа аудитории и от целеполагания ратора.

Глава четвертая «**Публичное выступление: анализ убедительности языкового сообщения**» посвящена описанию составляющих убедительности монологического дискурса. Убедительность рассматривается в проекции на триаду «инвенция – диспозиция – элокуция». Поскольку соотношение конвинсивности и персуазивности в разных РС варьируется, можно считать, что есть методы анализа в разной степени пригодные для изучения каждого из этих аспектов. Система Х. Перельмана, наиболее близко соприкасающаяся с инвенцией, ориентирована на этос и лучше объясняет персуазивно-конвинсивный аспект. МТ теснее связана с диспозицией, ориентирована на логос и более пригодна для описания конвинсивного аспекта. Традиционный риторико-стилистический подход связан с элокуцией, в большей мере ориентирован на пафос и используется для характеристики персуазивности. В качестве конкретного материала для демонстрации возможностей этих трех методов в главе выбрана речь М.Л. Кинга “*I Have a Dream*”.

Характеризуется РС этой речи. Она произнесена 28 августа 1963 г. в Вашингтоне у памятника А. Линкольну перед массовой аудиторией. Это не только делиберативная, но и эпидейктическая речь, в которой оратор акцентирует ценности, связанные с негритянским движением за демократию: они у М.Л. Кинга и аудитории в целом совпадают.

Персуазивно-конвинсивный анализ речи (по системе Х. Перельмана) дал следующие результаты.

Аргументы, основанные на ассоциации понятий.

Квази-логическая аргументация представлена не-формальными категориями:

(А) противоречия (противопоставления с помощью союза *but* – абзацы речи (2) – (1), (6) – (5), (10) – (8), (9) и антонимов – абз. (8));

(Б) тождества (рассуждение о равенстве всех людей перед Богом (абз. (7), (18), (26), (36)), и сопоставления: *black as well as white* (абз. (4)), *their destiny is tied up with our destiny; their freedom – our freedom* (абз. (12)); *to march ahead – not to turn back* (абз. (13));

(В) взаимности (*дружба взрослых негров с белыми – дети тоже дружат* (абз. (19)); *little black boys and girls – little white boys and girls* (абз. (23)); *their freedom is bound to our freedom; their destiny is tied up with our destiny* (абз. (12));

(Г) транзитивности (абз. (1): *signing Emancipation Proclamation* → *hope*; *hope* → *end of captivity*; *signing Emancipation Proclamation* → *end of captivity*);

(Д) части – целого (в абз. (2), где говорится об отсутствии гражданских свобод у негров и эксплицируются его манифестации; в абзацах (10) (целое – неправомерные деяния) VS. (11) (части – экспликация деяний); в абзацах (13) – (15), (22), когда автор перечисляет отношение властей штатов к неграм (с имплицитный выводом о практической его повсеместности); в абз. (16), где говорится о страданиях негров и описываются эти страдания; в абзацах (18) (целое) VS. (19) – (23) (части), где эксплицируются детали мечты; в абзацах (26) (целое) VS. (27) – (35) (части), где дается всеохватывающее звучание голоса свободы);

(Е) сравнения (в абз. (1) *as a great beacon light of hope*; *as a joyous day-break*) и противопоставление (в абз. (6): *bankruptcy* – *sufficient funds*; в абз.(10): *gaining rightful place* – *wrongful deeds*; в абз.(11): *thirst for freedom* – *bitterness and hatred*, *creative protest* – *physical violence*, *physical force* – *soul force*; в абз. (13): *satisfaction* – *police brutality*; в абз. (14): *tiredness* – *rest*, *presence* – *absence of mobility*; в абз. (15): *selfhood* – *discrimination*; в абз. (16): *suffering* – *redemption*; в абз. (19): *slavery* – *brotherhood*; в абз. (20): *injustice* – *justice*, *oppression* – *freedom*; в абз. (21): *color of skin* – *content of character*, *nullification* – *law for all*; в абз. (23): *lower* – *exalt*, *high* – *low*, *rough* – *plane*, *crooked* – *plane*, *oblivion* – *revelation*; в абз. (25): *despair* – *hope*, *discord* – *brotherhood*);

(Ж) пожертвования – абз. (16), повествующий о страданиях негров ради будущего блага (... *unearned suffering is redemptive*));

(З) вероятности (структуры с языковыми сигналами *It is obvious ... insofar as* (абз. (5)), *It would be fatal* (абз. (8)), *as long as* (абз. (13) – (15)), *somehow* (абз. (17)), *one day* (абз. (18) – (23), 26).

Аргументы, основанные на структуре реальности:

Отношения следования:

(А) каузальная связь (последовательность *segregation and discrimination* – *crippled life of the Negro* (абз. (2)), невыносимая жизнь – желание заявить об этом (абз. (3); призыв ненасильственного сопротивления к достижению реальной независимости – абз. (10) и (11)); (Б) прагматический аргумент (в соотношении абзацев: (1), (4) – от принятия Декларации о независимости к реальной независимости негров как к тому, что должно быть; (17) – от возвращения домой к благоприятному разрешению ситуации; комплекс (27) – (35) → (36) от свободы в отдельных штатах к свободе в стране в целом); (В) аргумент ущерба (призыв продолжать борьбу, несмотря на страдания (абз. (16)); (Г) аргумент неограниченного развития (с гиперболой *all flesh shall see it together* (абз. (23))).

Отношения сосуществования:

(А) человек – его действия (регулярное подчеркивание оратором общности с аудиторией – это все абзацы, где используется местоимение *we*; принадлежность человека к группе как величина скалярная, предусматривающая, что он менее типичный представитель группы – описание одного из губернаторов Юга (абз.22)); (Б) к авторитету (в этой речи он ориентирован на закрепление общих с аудиторией мнений – на Бога (абзацы (7), (26), (36)), на авторитет Прокламации об освобождении (абз. (1)), на американскую мечту (абз. (18)), на себя (абз.(10), (21)); (В) двойная иерархия (в абз. (1) – (документ :: свет – пламя); сюда примыкают, по Х. Перельману, аргументы степени и упорядоченности: абз. (2) – (несвобода :: кандалы – цепи), (3) – (задворки – ссылка :: родина)).

Аргументы, устанавливающие структуру реальности.

Аргументация посредством конкретного случая:

(А) пример (он должен обладать статусом факта или явления, считающегося фактом; языковым сигналом здесь могут служить высказывания типа *мы часто наблюдаем, что...* – ср. абз. (16); (Б) иллюстрация (абз. (14), (15), где в качестве общего (принимаемого аудиторией) иллюстрируемого правила выступает дискриминация негров); (В) модель/антимодель (абз. (11)).

Аргументация посредством аналогии: если принять, что на аналогии основана метафора, то речь М.Л. Кинга изобилует этим видом аргументации – ср. абзацы речи (1) – (9), (11), (20), (23), (25).

Аргументы, основанные на диссоциации понятий.

К ним можно отнести аргументы в абзацах (1) – (9), (11), (20), (23), (25). Однако важнее другое. Диссоциация может проявляться между реальной внутренней силой аргументов и их видимой силой. Представляется, что именно принцип диссоциации лежит в основе известной аргументативной неполноты разбираемого дискурса. Нарушена триада «факт – оценка – действие», которая, по представлениям аргументативно-риторического направления в коммуникативистике США, должна лежать в основе аргументации. В речи М.Л. Кинга аргументативный акцент перенесен на первые два компонента, и в стратегическом отношении в триаде явно диссонирует последний компонент. Хотя он и именуется автором речи *the new militancy* (абз. (12)), его акциональная сущность невелика, поскольку предусматривает пассивный протест.

Конвинсивный анализ речи выполнен на основе МТ. Он предусматривает установление диспозиции аргументов с их внутренней семантико-функциональной структурой и внешними функциями. Разбиение на аргументативные компоненты выполняется на особых основаниях.

1. Каждый абзац рассматривается как Ход. Такой Ход может быть двух видов – аргументативный (АХ) и неаргументативный (–АХ). АХ содержит один или несколько Аргументативных Шагов (АШ) в пределах абзаца. –АХ не содержит АШ в пределах абзаца.

2. Структура, по размерам большая, чем Ход, определяется на основе: (а) аргументативной макропропозиции – как Аргументативный Макро-Ход (АМХ); (б) не-аргументативной макропропозиции – как Супер-Ход. Тем самым, различаются макро-структура (аргументативная) и супер-структура (не-аргументативная). Анализ аргументации начинается на микроуровне (тактическом). Вклад отдельных аргументов в общее аргументативное значение текста определяется функциональной трансформацией аргументов и их компонентов: на уровне АШ, например, Тезис может являться адвокативным, а на уровне АХ этот Тезис трансформируется в обстоятельственные Данные для Тезиса Хода как структуры вышестоящего уровня.

На микроструктурном уровне аргументы выделяются в большинстве абзацев, за исключением (19) – (24), (27) – (35). Типология выявленных аргументативных функций такова. Тезисы встретились всех четырех типов – десигнативные, дефиниционные, оценочные, адвокативные. Данные также представлены всеми типами – фактуальными, обстоятельственными и личными. Выделены Основания причины, признака, классификации, авторитета, аналогии, мотивации, обобщения.

В рамках макроструктурного анализа каждый абзац текста представлен как Ход, в котором может присутствовать АХ и АМХ. Структура АХ представлена в виде совокупности АШ, в которых эксплицируется лишь Тезис, поскольку на уровне АХ операции производятся именно с Тезисами Шагов. Установлено семь АМХ и два отдельных АХ, не входящих в состав АМХ.

Аргументативная структура всего текста в целом может быть представлена как совокупность Тезисов-Доводов из АХ-1 и из всех АМХ, обосновывающая Глобальный Тезис (Тезис АХ-2). Интерпретативный подход позволяет сгруппировать результирующие Доводы по Тезисной семантике; по видимому, они равноценны по значимости.

Тип результирующей структуры – множественная аргументация. В ней некоторые Доводы более важны по семантике, чем другие. Наиболее важными для доказывания Глобального Тезиса являются адвокативные Тезисы АМХ-А, АМХ-Б, АМХ-Г и АМХ-Д. Их совокупность представляется достаточной для обоснования Глобального Тезиса. Следующая по значимости – группа оценочных Тезисов из АМХ-В, АМХ-Е и АМХ-Ж. Одной этой группы недостаточно для убедительного обоснования Глобального Тезиса. И, наконец, десигнативный Тезис АХ-1 имеет наименьшую значимость.

Персуазивный анализ речи выполнен на основе стилистико-риторического (элокутивного) подхода – с точки зрения наличия в тексте тропов и фигур на основе системы, предложенной в [Клюев 2001].

Тропы трактуются как преобразования слов и словосочетаний.

Метафора описывается в главе на основе ее моделей. Для этого охарактеризованы ее следующие признаки: (А) холистичность/парциальность манифестации; (Б) исходная понятийная область; (В) конечная понятийная область; (Г) грамматическая структура.

(А) Холистичными являются фраземные метафоры типа *to cash a check* (всего 7 примеров); остальные парциальны, т.е. обладают внутренней семантической структурой.

(Б) Исходные понятийные области метафор в речи следующие: (а) антропоморфная – ср.: *the life of the Negro is still sadly crippled* (всего 8 примеров); (б) природоморфная – ср.: *the flames of withering injustice* (19 примеров); (в) социо-политическая и артефактная – ср.: асоциальная среда и противодействие ей: *the manacle of segregation and the chains of discrimination* (3 примера); (г) финансово-экономическая сфера: *to cash a check* (5 примеров); (д) сфера искусства: *to dramatize a shameful condition* (4 примера); (е) артефакты: *beacon light of hope* (2 примера); (ж) сфера медицины: *to take the tranquilizing drug of gradualism*.

(В) Конечная понятийная область – это общая сфера, в которую экспандируют большинство метафор; при этом антропоморфная сфера связана с социальной: (а) социально-политическая сфера: *the night of their captivity* (всего 37 случаев); (б) антропоморфная сфера: *beacon light of hope* (4 примера);

(Г) Грамматическая (морфолого-синтаксическая) структура проанализированных метафор предусматривает следующие модели: (а) определительная (NP + NP) ср.: *the flames of withering injustice* (всего 34 примера); (Participle + pNP), ср.: *(are) stripped of their selfhood* (3 примера); (б) дополнительная (VP + NP): *to cash a check* (всего 4 примера); (в) обстоятельственная (VP + Adv): *wallow in the valley of despair; has defaulted on this promissory note*; (г) сентенциальная (для случаев холистичного представления метафор): *every valley shall be exalted* (4 примера).

Метонимия. В метонимии предмет, соседствуя с другими предметами, опознается не по каждому из своих признаков. Ср: (а) содержимое и содержащее: *America has defaulted* всего 4 примера); (б) носитель признака и признак: *We can never be satisfied as long as our bodies ... cannot gain lodging in the motels (our bodies вместо *the black people*).*

Эпитет. В отличие от определения, эпитет всегда несколько метафоричен. Различие между эпитетом и метафорой – в грамматической структуре и в семантике. Ср.: *withering injustice* (всего 17 примеров).

Перифраз – троп, посредством которого одно понятие представляется посредством нескольких. В разбираемой речи причины перифраза в основном направлены на придание речи элокутивного блеска. Ср.: ... *areas where your quest for freedom left you battered by storms of persecutions and staggered by the winds of police brutality* (места заключения). *You have been the veterans of creative suffering* (политзаключенные).

Антитеза – троп, разъединяющий понятия; в нем должен быть сопологающий элемент-модель (ниже приводится в скобках). Ср.: (А) *great beacon light of hope – withering injustice* (справедливость); *(the Negro's) legitimate discontent – freedom and equality* (наличие демократии); (Б) *joyous daybreak –*

night of ... captivity (время суток); *sweltering summer – invigorating autumn* (время года); *fierce urgency – the luxury of cooling off* (срочность во времени); (B) *the dark and desolate valley of segregation – the sunlit path of racial justice* (освещенность); (Г) *a lonely island of poverty – a vast ocean of material prosperity* (пространство); *an end – a beginning* (точка в пространстве); *valley – exalted, hill and mountain – low, rough – plane, crooked – straight* (равенство в пространстве); (Д) *insufficient funds – the great vaults of opportunity* (материальный потенциал); (Е) *the quicksands of racial injustice – the solid rock of brotherhood* (прочность); (Ж) *to hope – to have a rude awakening* (реалистичность); (З) *by the color of their skin – by the content of their character* (видимость – реальность); (И) *to satisfy our thirst for freedom – drinking from the cup of bitterness and hatred* (жажда); (К) *physical force – soul force* (сила); (Л) *the heat of injustice, the heat of oppression – an oasis of freedom and justice* (температура); (М) *black boys and black girls – white boys and white girls, black men – white men* (цвет); (Н) *jangling discords – beautiful symphony* (гармония звука); (О) *Jews – Gentiles, Protestants – Catholics* (религия).

ФИГУРЫ предполагают трансформацию структуры в составе уже заданного целого – слова/словосочетания (микрофигуры) или предложения (макрофигуры). Сопоставление прежней структуры с новой обеспечивает смысловую дистанцию между первоначальным и реконструированным вариантами.

Микрофигуры. (А) **Гендиадис** – переструктурирование; обычно это раздвоение слова: одно слово превращается в два самостоятельных. Ср.: ... *they were signing a promissory note to which every American was to fall heir. This note was a promise ...* (Б) **Афферезис** – деформация; начало слова полностью усекается, однако оставшейся части оказывается достаточно для того, чтобы опознать слово. В речи М.Л. Кинга афферезис весьма условен, так усечение слова *it* обусловлено соображениями скорее ритмическими, ср.: “*My country, ‘tis of thee, sweet land of liberty, of thee I sing*” .

Макрофигуры находятся в конфликте с нормативным синтаксисом, требующим соразмерности структуры предложения в частях и неоднотипности в масштабе сообщения в целом.

Конструктивные фигуры представлены в речи тремя типами повторов.

Параллелизм – это однотипность синтаксических конструкций, представленных в смежных или отстоящих недалеко друг от друга частях сообщения. Родственность конструкций задает родственное рассмотрение и передаваемых ими смыслов. Ср.: (а) *This momentous decree came as a great beacon of hope to millions of slaves who had been seared in the flames of withering injustice. It came as a joyous daybreak to end the long night of their captivity;* Всего выявлено 4 случая параллелизма (включая *to V together; every+N; from A+N+of+N, from P-1/P-2+N+of+N*).

Анафора, в отличие от параллелизма, предусматривает не только идентичность синтаксических конструкций, но и повтор начальных частей смежных или близлежащих предложений. Ср.: *One hundred years later the colored America is still not free. One hundred years later the life of the colored American is still sadly crippled by the manacle of segregation and the chains of discrimination...* Всего выявлено 10 вариантов анафоры (включая повторы *we've come; Now is the time; We cannot+ V; We can never be satisfied as long as...; Some of you; I have a dream that one day ...; With this faith we will be able to...; Let freedom ring; Free at last!*).

Эпаналепсис – воспроизведение слова или однотипных словосочетаний одного за другим в пределах одного предложения. Ср.: (а) *Again and again we must rise to the majestic height of meeting physical force with soul force*; (б) *No, no, we are not satisfied and we will not be satisfied until justice rolls down like waters and righteousness like a mighty stream*.

Из деструктивных фигур в речи обнаружены лишь две.

Тмезис – вставка элемента в синтаксическую структуру, где в норме никакого элемента не отсутствует: синтаксический акцент влечет семантический. Ср.: (а) *This note was a promise that all men, yes, black men as well as white men, would be guaranteed to the inalienable rights of life, liberty and the pursuit of happiness*.

Инверсия – в ней нетривиальная позиция задает смысловой акцент, ср.: *Now is the time to rise from the dark and desolate valley of segregation to the sunlit path of racial justice*.

В диссертации также представлены выявленные элокутивные средства еще 11 публичных речей американских политических деятелей (они вынесены в Приложение). Это метафора, метонимия, синекдоха, синестезия, аллегория, прозопопея, антономазия, эналлага, эпитет, оксюморон, антитеза, антиметабола, градация-климакс, градация-антиклимакс, зевгма, тавтология, плеоназм, апосиопеза, эпанортоза, гипербола, литота, перифраз, аллюзия, эвфемизм, риторический вопрос, апокопа, парагога, этимологическая фигура, аллитерация, ассонанс, параллелизм, изоколон, эпаналепсис, анафора, эпифора, анадиплосис, симплока, диафора, хиазм, асиндетон, полисиндетон, киклос, анастрофа, парцелляция, гипербатон, тмезис, амплификация, конкатенация.

В **Заключении** подводятся общие итоги работы и излагаются перспективы дальнейших исследований, которые видятся в анализе риторических картин мира в иных отдельных современных культурах и в изучении возможностей применения иных методов к анализу убедительности дискурса.

Основное содержание работы отражено в следующих публикациях.

А. Публикация в издании, рекомендованном ВАК РФ.

1. Сухарева О.Э. Риторико-аргументативные модели в анализе дискурса // Вестник Тюменского государственного университета. – 2008. – Вып. 1. – С. 134 – 139.

Б. Прочие публикации.

2. Сухарева О.Э., Хозеева И.Н. Политическая ораторика: пример структурного анализа // Научные труды Калужского государственного педагогического университета им. К.Э. Циолковского. Серия: Гуманитарные науки. – Калуга: Калужск. гос. пед. ун-т, 2008. – С. 293 – 297.

3. Васильев Л.Г., Сухарева О.Э. Аспекты риторической традиции в западной гуманитарной науке // Научные труды Калужского государственного педагогического университета им. К.Э. Циолковского. Серия: Гуманитарные науки. – Калуга: Калужск. гос. пед. ун-т, 2008. – С. 260 – 264.

4. Сухарева О.Э. Европейская средневековая традиция как основа современной западной риторики // Дискуссионные вопросы современной лингвистики: Сб-к науч. тр. – Калуга: Калужск. гос. пед. ун-т, 2008. – Вып. 4. – С. 107 – 113.

5. Сухарева О.Э., Васильев Л.Г. О характеристиках риторической ситуации // Дискуссионные вопросы современной лингвистики: Сб-к науч. тр. – Калуга: Калужск. гос. пед. ун-т, 2008. – Вып. 4. – С. 113 – 118.

6. Сухарева О.Э. Метод Аристотеля как матрица конвинсивно-персуазивного анализа // Дискуссионные вопросы современной лингвистики: Сб-к науч. тр. – Калуга: Калужск. гос. пед. ун-т, 2009. – Вып. 5. – С. 122 – 127.

7. Васильев Л.Г., Сухарева О.Э. Этнос оратора: к исследованию поведенческих факторов // Проблемы повышения эффективности обучения коммуникации и иностранному языку в вузе: теория и практика / Мат-лы Второй региональной научно-практической конференции. – Калуга: Калужская областная ассоциация преподавателей иностранных языков, 2009. – С. 4 – 7.

8. Сухарева О.Э. Виды дискурса: когнитивно-прагматический и структуралистический аспекты // Актуальные проблемы сопоставительной типологии. – Тюмень: Вектор Бук, 2009. – С. 84 – 89.

9. Сухарева О.Э. Понятие риторической ситуации и характеристика некоторых ее функциональных признаков // Актуальные проблемы сопоставительной типологии. – Тюмень: Вектор Бук, 2009. – С. 89 – 94.

10. Сухарева О.Э. Подходы к убеждению в западной коммуникативистике // Современная политическая коммуникация / Мат-лы международной научной конференции (21 – 24 сентября 2009 г.). – Екатеринбург: Уральск. гос. пед. ун-т, 2009. – С. 195 – 197.